

Они еще не успели сдвинуться с места, как кто-то зычно рявкнул. Сначала вперед бросилось несколько человек, а вслед за ними высыпали еще несколько десятков. Все они сжимали в руках железные мечи. Едва ворвавшись внутрь, они принялись доставать веревки и связывать лежавших на земле бойцов. По одежде этих людей Цзя И сразу узнал тех самых сопровождающих, что везли военное снаряжение. Их предводитель, видный мужчина лет тридцати с небольшим, отличался благородной и мужественной внешностью, излучая удасть истинного бродяги-героя.

Заметив, что с Цзя И всё в порядке, Сыянь бросилась к нему, крепко-крепко обвила руками и сквозь слезы забормотала:

— Слава небесам! Хорошо, что муж цел и невредим, а то я чуть не лишилась чувств от страха!

Цзя И обнял ее за хрупкие плечи и некоторое время утешал тихими словами. Убедившись, что всех поверженных негодяев увели, он наконец разжал объятия, и они вместе направились к выходу. Желая отвлечь Сыянь от переживаний, он с улыбкой произнес:

— Драка нынче выдалась знатная, жаль только, ты из-за нее лишилась заработка. Сегодня же ярмарка — чего тебе хочется? Считаю это моим извинением перед тобой.

Сыянь, словно провинившийся ребенок, опустила голову и не смела смотреть на Цзя И, лишь тихонько проговорила:

— Хорошо еще, что сегодня рядом был муж, иначе и не знаю, чем бы всё закончилось.

Пока они так разговаривали, позади посмертели шаги, и кто-то окликнул:

— Прощу вас, господин, остановитесь!

Цзя И сжал руку Сыянь, резко развернулся и увидел, что к ним направляется тот самый богато одетый мужчина, который командовал людьми при задержании.

Цзя И пребывал в некотором недоумении. Сфера его деятельности походила на ремесло телохранителей из более поздних эпох: по идее, таким людям следовало держаться подальше от любых неприятностей. Почему же этот незнакомец решил заступиться за него, да еще и рискнул навлечь на себя гнев местных головорезов?

Однако как бы то ни было, человек этот всё же оказал им услугу, и Цзя И не хотел ставить его в неловкое положение. В итоге они вместе с этим мужчиной отправились в соседнюю постоянную харчевню и расположились за столом.

Усевшись, Цзя И обнаружил, что напротив него сидят двоих: помимо того мужественного с виду мужчины, там находился еще один спутник в маске. Цзя И припомнил, что подчиненные называли его не иначе как «молодым господином». Внимательно разглядывая обоих, Цзя И обратил внимание на их нежную кожу и безупречные манеры — судя по всему, они происходили из знатного рода. Особенно это касалось человека в маске: хотя его лицо было

полностью скрыто, а сам он не произнес ни единого слова, Цзя И всё же заметил, что кожа под его одеждой оказалась даже более гладкой и нежной, чем у женщин.

Мужественный на вид мужчина первым представился:

— Зову меня Юй Цзыци, а это мой младший братец — Юй Мяои. Мы родом из Муччена в уезде Учжун округа Куайцзи. С малых лет я страсть как люблю фехтование, а только что увидел поистине божественную технику владения саблей в исполнении господина, поэтому и решился побеспокоить. Прошу меня извинить. В цзянху ходят слухи о «Кровавом мече и нефритовой сабле» — не подскажете, чьим учеником является уважаемый господин?

Цзя И, разумеется, ничего не слышал ни о каком «Кровавом мече и нефритовой сабле», а потому ответил:

— Мы с моей жалкой женой — простые здешние крестьяне и вовсе не бродячие мастера боевых искусств. Если молодой господин Юй позвал меня ради этого, то боюсь, мне нечем его порадовать.

Услышав такой ответ и заметив непринужденный вид собеседника, Юй Цзыци понял, что тот не лжет и не пытается его надуть.

— Раз так, значит, глаза меня подвели. И всё же длинная сабля у вас на поясе — вещь необычайная. Не одолжите ли ее взглянуть? Семья Юй в Куайцзи издавна славится кузнечным ремеслом, и мне доводилось сталкиваться с божественным оружием, но столь диковинный клинок попадает на глаза редко, вот я и заинтересовался.

Цзя И ничуть не смутился: он прекрасно понимал, что в эту эпоху главным оружием служили мечи, поэтому длинная сабля казалась им диковинкой. Он протянул свое оружие. По растерянному лицу Юй Цзыци стало очевидно, что происхождение клинка ему разгадать не удалось. Лишь спустя долгое время Юй Цзыци вернул саблю и, натянуто улыбнувшись, произнес:

— Эта сабля действительно остра необычайно, редкость великая! Жаль только, моих познаний не хватает, чтобы распознать ее происхождение.

Обменявшись с ним дежурными любезностями, Цзя И спрятал саблю и собрался откланяться: прошлый опыт подсказывал ему, что среди подобных избалованных юнцов редко кто способен на великие дела. К счастью, он привык вести пустые светские беседы, так что расстались они ко взаимному удовольствию.

Заметив, что оба собираются уходить, Юй Цзыци поспешно добавил:

— У меня есть еще одна просьба, и я надеюсь, господин не взыщет за нее! До слухов моих дошло, что здешние подонки и разбойники промышляют торговлей людьми, и сегодняшнее наказание, устроенное господином, можно сказать, избавило здешние места от одной из напастей. Мне предстоит доставить несколько повозок с оружием в Сяньян, а людей катастрофически не хватает. Не согласится ли господин составить нам компанию в этом путешествии?

Цзя И никак не ожидал от Юй Цзыци подобного предложения и обернулся к Сыянь.

Едва переступив порог комнаты, она прижалась к боку Цзя И, тихая и кроткая, словно котенок, и, перехватив его вопросительный взгляд, лишь озарила мужа сладкой улыбкой. Кивком она дала понять, что целиком полагается на его решение и возражений не имеет. По ее разумению, важные вопросы всегда должны решать мужчины.

Цзя И как раз подыскивал работу, чтобы облегчить ношу Сыянь, а раз уж поступило приглашение от Юй Цзыци, он кивком дал согласие. На самом деле в его голове зрели куда более глубокие планы, о которых никто не догадывался.

Видя, что тот согласился, Юй Цзыци с воодушевлением воскликнул:

— С боевыми навыками господина в любом солидном особняке можно рассчитывать на место почетного гостя. Я неизмеримо благодарен за то, что вы снизошли до помощи с этим грузом, и, разумеется, обижать вас платой я не стану. За эту поездку в Сяньян я выплачу господину пять сотен монет. Что скажете?

Услышав про пять сотен монет, Сыянь испуганно ахнула и, заметив, что Цзя И обернулся на нее, легонько потянула мужа за рукав:

— Этих денег нам с лихвой хватит на полгода жизни!

Цзя И мягко улыбнулся ей:

— Условия и впрямь заманчивые! Или ты совсем не боишься, что я окажусь разбойником и уведу ваш груз посреди дороги?

В уголках рта Юй Цзыци мелькнула легкая усмешка, и он невозмутимо ответил:

— Какими бы талантами я ни обладал, а людей отличать умею. Такой человек, как вы, даже если промышлял бы разбоем на дорогах, после знакомства с влиянием семьи Юй из Куайцзи быстро сообразил бы, что к чему. Если вы поможете мне с этой доставкой и мы благополучно доберемся до Сяньян, то станете гостем нашего клана — такую возможность мало кто упустит.

Цзя И ничего не слышал о семье Юй, да и имя Юй Цзыци не отзывалось в его памяти ни единым воспоминанием. Раз в истории они не отметились, значит, представляли собой не более чем зажиточных купцов местного разлива. Но раз плата хороша, а наниматель демонстрирует полное доверие, грех было отказываться.

— Только вот... я ведь не могу ехать без жены! — оговорился напоследок Цзя И.

Юй Цзыци бросил взгляд на Сыянь и с улыбкой произнес:

— Не беспокойтесь, господин! Помимо оружия, в нашем караване едут несколько красавиц из Учжуна. Если вы желаете путешествовать в сопровождении супруги, это не составит никаких

проблем.

Затем он бросил взгляд на сидевшего рядом брата и отдал распоряжение:

— Вторая погонялка, распорядись, чтобы привели в порядок помещение для отдыха господина с супругой. И прикажи слугам раздобыть новую чистую одежду, пусть переоденутся. Завтра чуть свет господин со своей супругой поступят в твой отряд, смотри ухаживай за ними в дороге со всем тщанием. Никакой халатности не потерплю!

Цзя И лишь усмехнулся про себя: Юй Цзыци всё же до конца им не доверял и решил приставить к нему Сынянь в качестве заложницы. Но коль скоро они не разбойники, да и Юй Цзыци в пути не обидит, это всяко лучше, чем оставлять жену дома одну прозябать в тяготах. Цзя И справился попутно:

— Сколько еще добираться до Сяньяна?

Юй Цзыци явно обрадовался согласию наемника и принялся охотно растолковывать:

— От этого места в округе Саньчуань до Сяньяна ровно восемьсот ли. На быстрых конях можно доскакать за пять дней, но с нашим темпом да с необходимостью опасаться разбойников всех мастей на пути уйдет никак не меньше полумесяца.

Чувствуя, что сделал еще один шаг к своей мечте, Цзя И пребывал в превосходном настроении. Мысли о том, что вскоре он сам сможет заняться торговлей оружием и загребать золото лопатой, окончательно развеяли все сомнения, и он поспешно заверил, что никаких проблем не возникнет.

Раз уж всё было решено, Юй Цзыци велел проводить их в лагерь за пределами ярмарочной площади. Проводника звали У Динь, он числился гостем дома Юй. Своими глазами видевший мастерство Цзя И, он испытывал перед ним благоговейный трепет, почитая за искусного мастера меча, а потому держался предельно почтительно.

Лагерь охранялся со всей строгостью: свыше десятка повозок разных размеров были плотно сгрудированы в самом его центре, а перед семью или восемью палатками несли стражу часовые.

У входа в лагерь возвышался временный барьер — толстые колья, оплетенные прочными веревками, сильно напоминавшие колючую проволоку из будущих веков, призванную защищать от внезапных нападений.

По дороге У Динь вкратце описывал устройство лагеря, заставляя Цзя И постепенно избавляться от снисходительного отношения. В центре лагеря стоял человек по имени Юй Бао, являвшийся дворовым слугой семьи Юй. У Динь представил ему Цзя И, пояснив, что вопросы быта и размещения для всех сопровождающих бойцов находятся в его ведении. Судя по всему, Юй Бао уже дошли слухи о боевой славе Цзя И, но на лице его читалось лишь откровенное презрение; впрочем, послушаться господина он не смел и холодно бросил:

— Палатка на всех одна, пользуйтесь аккуратно.

С этими словами он даже не взглянул на Цзя И и удалился.

У Динь с виноватым видом провел обоих к палатке, приткнувшись на самом краю лагеря, дал еще пару наставлений насчет осторожности и тоже удалился.

Едва они вошли внутрь, Сыянь опустила голову и умолкла, явно терзаемая тяжелыми думами.

Цзя И крепко прижал ее к себе и ласково спросил:

— Всё еще тревожишься из-за поездки в Сяньян? Не бойся, ты же сама говорила, что законы Цинь ныне суровы и мало кто осмеливается разбойничать. Как только минует округ Саньчуань, начнется Гуаньчжэнь — места, которые циньцы обживали веками, там всю нечисть давно извели.

Припав к мужу, Сыянь обрела крохи утешения и прошептала:

— Моя матушка говорила, что знать да сильные мира сего всегда коварны. Раз они готовы выложить столько денег, значит, их замысел куда сложнее, чем кажется.

Цзя И подумал про себя, что сам-то вырос в логове головорезов, где любой наркобарон или главарь отличался запредельной хитростью и жестокостью, и тем не менее ему удавалось лавировать между ними. Разумеется, озвучивать эти мысли он не стал, а лишь принялся успокаивать жену:

— Муж твой владеет искусством боя в совершенстве. Пока я защищаю тебя, чего бояться? Не забывай, я только что играючи прогнал целую шайку местных подонков.

Вспомнив про Цаньнян и ее приспешников, а также видя недавнюю молодецкую удачу мужа, Сыянь вспыхнула глазами и прижалась к его груди, но всё же с сомнением промолвила:

— Муж хоть и силен в боевых искусствах, но он всего лишь человек против сотен. А у этих знатных родов счет сподвижников идет на тысячи, к тому же все они прославленные мастера меча, а не дворовая шпана. О муж, давай вернемся в Фэнли! Пусть жизнь там бедна и трудна, но разве не в сотню раз лучше, чем каждый день дрожать от страха?

Цзя И мысленно вздохнул. Дело было вовсе не в том, что он не хотел тихой и размеренной жизни — просто он знал: мир вот-вот погрузится в хаос. Междоусобные войны князей не оставят на земле ни одного спокойного уголка. Упустить шанс заработать на войне было бы равносильно тому, чтобы прожить эту жизнь попаданца зря.